

С Т А Т Ь И

РОССИЯ И ВОСТОК

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА
СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В АРАВИИ В 1920-е гг.*

© 2018

В. В. НАУМКИН

Институт востоковедения РАН

В статье рассматривается деятельность отечественной дипломатии в королевстве Хиджаз/Саудовская Аравия в первые годы после установления дипотношений Москвы с этой страной. На основе документов из российских и британских дипломатических архивов анализируются первые шаги советских дипломатов по укреплению позиций СССР в Аравии и нейтрализации враждебных Советскому Союзу действий англичан. Показано, как советская дипломатия, стремясь завоевать благорасположение Ибн Сауда и оторвать его от англичан, противодействовала антиваххабитской компании, которую вели страны Запада и некоторые региональные державы. Большое внимание уделялось в тот период продвижению идеи подписания договора о дружбе и торговле между СССР и двуединым аравийским “государством-кентавром”. Доказывается, что на том этапе Москва впервые предприняла попытку посредничества между конфликтующими в регионе сторонами, что впоследствии получило развитие в советской/российской внешней политике. Для закрепления в Аравии и исламском мире СССР подключался к созыву всемусульманского конгресса под эгидой Ибн Сауда.

Ключевые слова: Хиджаз, договор, всемусульманский конгресс, ваххабиты, сдерживание, Великобритания, посредничество.

DOI: 10.7868/S0869190818020012

SOME ASPECTS OF THE DIPLOMATIC COMPETITION BETWEEN
THE SOVIET UNION AND GREAT BRITAIN IN ARABIA IN THE 1920s

Vitaly NAUMKIN

Institute of Oriental Studies, Moscow

The article focuses on the activities carried out by the Soviet diplomats in the Kingdom of Hejaz/Saudi Arabia in the immediate aftermath following the establishment of diplomatic relations of Moscow with this nation. On the basis of documents retrieved from the Russian and British diplomatic archives, the author analyses the first steps made by the Soviet diplomacy with a view to solidifying the USSR positions in Arabia and neutralizing the effect of hostile efforts undertaken by the British. The author

НАУМКИН Виталий Вячеславович — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН; vinaumkin@yandex.ru.

Vitaly NAUMKIN — Full Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc., Professor, President, Institute of Oriental Studies; vinaumkin@yandex.ru.

*Статья написана при поддержке Международного дискуссионного клуба “Валдай”.

The article has been written with the support of the “Valdai” International Discussion Club.

unveils how the Soviet diplomats, trying to win Ibn Saud's benevolence and to pull him away from the British, put up opposition to ward off the anti-Wahhabi campaign launched by the Western countries and some regional powers. Much attention was paid at that period to the promotion of an idea to conclude a Friendship and Trade Agreement between the USSR and the dual Centaur Kingdom of Saudi Arabia. Sufficient evidence is provided to prove that at that time, the first attempt was made by Moscow to act as a mediator between the conflicting regional powers, which was afterwards carried forward in the Soviet/Russian foreign politics. Seeking to gain a more powerful influence in Arabia and in the Islamic world, the USSR got engaged with the convocation of the All-Muslim Congress under the aegis of Ibn Saud.

Keywords: Hejaz, treaty, All-Muslim Congress, Wahhabi, containment, Great Britain, mediation.

ВВЕДЕНИЕ

В 1923 г. советское руководство приняло решение принять предложение установить дипломатические отношения, исходившее от правителя одного из двух независимых государств арабского мира (вторым был Йемен), образовавшихся после распада Османской империи, — королевства Хиджаз. Это предложение легло на благодатную почву. Знакомство с документами НКВД из Архива внешней политики РФ позволяет заключить, что, принимая решение об установлении отношений с этим аравийским государством, Москва решала, как минимум, четыре задачи. Во-первых, распространить начавшийся процесс установления отношений с государствами, находившимися к югу от границ СССР, на арабский мир, где Советский Союз еще не имел ни одного дипломатического представительства. Шансов на это почти не было: подавляющее большинство арабских стран находились тогда в колониальной зависимости от Великобритании или Франции. Во-вторых, обусловленную как внешними, так и внутренними причинами (значительное число мусульман среди населения СССР) задачу активизировать работу в исламском мире, чтобы привлечь население мусульманских государств на свою сторону. В-третьих, найти в регионе Ближнего Востока рынок сбыта для советских товаров. Наконец, в-четвертых, противодействовать враждебной Москве деятельности Великобритании, под господством или влиянием которой находилась огромная часть исламского мира, попытаться ослабить ее позиции.

Хиджаз, несмотря на всю слабость этого государства, был удачным кандидатом для реализации этих задач, чем более что его правитель — хашимитский шериф Хусейн — сам выразил желание наладить отношения с Москвой. Здесь понимали обиду Хусейна на не выполнивших свое обещание о создании единого арабского государства в Машрике под его эгидой англичан. Было бы просчетом не воспользоваться ухудшившимися отношениями шерифа с Лондоном. Конечно, немалую роль играло то обстоятельство, что у России со времен империи, а именно в 1890–1914 гг., был накоплен опыт взаимодействия с Хиджазом, когда он являлся одним из вилайетов Османской империи. Инициатива Хусейна действительно объяснялась его стремлением показать англичанам, что он может найти и других союзников, в том числе и способных бросить вызов Лондону.

В результате в Хиджазе в 1924 г. появилось советское дипломатическое представительство, возглавляемое дипломатическим агентом и генеральным консулом Керимом Абдрауфовичем Хакимовым (1892–1938)¹. А после завоевания Хиджаза ваххабитскими войсками правителя Неджда Абдель Азиза б. Сауда (Ибн Сауда) Советский Союз первым в мире признал новое государство и в 1926 г. установил с ним дипломатические отношения.

¹ «Красный паша» К.А. Хакимов сыграл выдающуюся роль в становлении и развитии отношений СССР с Саудовской Аравией и Йеменом.

В статье на основе российских и британских архивных документов рассматривается одно из главных направлений деятельности советской дипломатии в Хиджазе/Саудовской Аравии, а именно соперничество, противоборство с Великобританией. С учетом формата журнальной статьи в ней освещаются лишь отдельные эпизоды этой работы, тем не менее, раскрывающие ее суть. Уделено внимание деятельности британских дипломатов по противодействию советскому влиянию в этом государстве, а также тому, кем были дипломатические антагонисты наших дипломатов и как они их оценивали. Акцент сделан на архивных материалах, еще не использованных отечественными исследователями, которые создали ряд широко известных научных трудов по истории Саудовской Аравии. Среди которых ставшая классической работа А.М. Васильева, а также труды И.А. Александрова, Г.Г. Косача, Т.А. Мансурова, А.И. Яковлева и других востоковедов.

ВСМАТРИВАЯСЬ ДРУГ В ДРУГА

Советские и британские дипломаты изучали друг друга, причем англичане не упускали из виду и деятельность других работавших в Аравии выходцев из СССР. Поскольку в тот период Великобритания рассматривалась Советским Союзом в качестве главного противника, неудивительно, что советский генконсул (его биография в деталях рассмотрена в книгах вышеназванных российских ученых) часто встречался со своим британским визави, консулом Редингом Буллардом (британский представитель был аккредитован в качестве “дипломатического агента и консула”, но не “дипломатического агента и генерального консула”, как советский дипломат) и информировал Москву о его действиях. Буллард был одним из самых ярких представителей ближневосточной школы британской дипломатии. Майкл Вейр² вспоминал, что, когда он во время войны учился в Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета, имени Рединга Булларда и Гарольда Никольсона³ были “синонимами британской дипломатии на Ближнем Востоке” (цит. по: [Bullard, 1993, p. vii]). Для молодого арабиста Булларда Джидда была местом его первой командировки. Будущий сэр был редким для британского дипломатического сообщества выходцем из низшего класса — он происходил из бедной семьи портового рабочего. Получил образование как учитель, но сумел успешно сдать экзамены для поступления на консульскую службу по математике, письму, одному из языков, которые выучил, а это были латынь, греческий, французский, немецкий, итальянский и испанский, и был направлен на учебу в Кембридж, где он изучил также турецкий, арабский, персидский, к которым позднее добавился русский. Буллард работал в Джидде сначала в 1923—1925, а затем снова в 1936—1939 гг. В дальнейшем ему довелось служить и в Москве. Он очень много, запоем читал и скрашивал свое существование в Джидде написанием подробных писем, своего рода дневников, в том числе и частных, не похожих на те, что обычно являются предметом дипломатической переписки.

Британские дипломаты в Джидде, руководствуясь задачей по сдерживанию Советского Союза, практически постоянно держали советских дипломатов в поле зрения. Их интересовала информация и о состоянии здоровья советских дипломатов, и об их этнической и конфессиональной принадлежности, и даже об образе жизни и расходах по командировкам. Некоторые заметки британского консула носят по-английски иронический, а временами весьма язвительный характер, выдавая снобизм автора (несмотря на его пролетарское происхождение), но в целом в них признается высокий профессионализм советских дипломатов.

“Русские, в свою очередь, тоже продолжают болеть, — сообщает он, к примеру, в письме от 30 декабря 1924 г. — Агент Хакимов снова здоров, но теперь заболел ставший

² Сэр Майкл Вейр (Weir, Sir Michael Scott, 1925—2006) — известный британский дипломат и разведчик, арабист, посол в Египте в 1979—1985 гг.

³ Сэр Гарольд Николсон (Nicolson, Harold, 1886—1968) — известный британский дипломат, писатель, мемуарист, политик.

вторым секретарем еврей по фамилии Белкин. Белкин недавно ездил в Рим, где передавал и получал депеши. Он провел в Риме всего 11 дней, но поездка обошлась ему в сто фунтов стерлингов. Как хорошо принадлежать к богатой стране, которая может позволить себе направлять специальных курьеров для отправки и получения депеш из столь незначительного места, как Джидда! Хакимов рассказывает, что посылает для этого своего сотрудника каждые пять или шесть недель. Хакимов единственный в Джидде имеет приличный автомобиль, и я слышал, что он раздумывает о покупке моторной лодки, в которой у него нет никакой официальной нужды” [Bullard, 1993, p. 79].

Не меньший интерес вызывали у британца и жившие в Джидде русские иммигранты. Консул сообщает, что даже договорился со своим знакомым по фамилии Клебанскис для занятий с ним русским языком. А в письме от 18 ноября 1923 г. он пишет, что в местной авиации служат еще двое русских, один из которых больше бы подходил для этой цели, но это обидело бы Клебанскиса. Буллард также сообщает, что в Джидду вернулся доктор Маковский из Египта, куда он ездил в связи с болезнью. Этот заметный в джиддинском сообществе иностранцев врач владел лишь немецким и русским, и Буллард мог общаться с ним только с использованием известных ему русских фраз. Он договорился с Маковским о том, что они будут давать друг другу уроки соответственно русского и английского языков. Интересно, что Маковский называл себя немцем из г. Полена, переданного Польше, но Клебанскис “подозревал, что он является польским евреем” [Bullard, 1993, p. 21 (letter of 18 November 1924)] (англичанин уделял какое-то болезненное и весьма специфическое внимание национальной принадлежности персонажей его заметок и депеш, чего, впрочем, недостаточно, чтобы видеть в нем антисемита). Маковский, сообщил Буллард, мало рассказывал о себе, но сообщал, что в России он в начале войны арестовывался как немец, потом освободился, пошел на службу в российскую армию. Маковский показал Булларду следы трех пулевых ранений и сообщил, что за участие в сражении, в ходе которого он получил одно из них, доктор был удостоен ордена Владимира.

Необычна судьба этого человека, впрочем, как и очень многих людей, попавших в горнило Первой мировой войны, Революции и Гражданской войны. Д-р Макс Маковский (1888–1956) родился в еврейской семье. Получил медицинское образование в России, был врачом в казачьем полку. Во время гражданской войны служил в деникинской армии, затем в военном госпитале в Иране. В 1920 г. поселился в Джидде. В 1926 г. переехал в Багдад после того, как король Фейсал I⁴ пригласил его на должность королевского терапевта. Использовал часть полученного от его богатых родителей наследства для того, чтобы открыть в Ираке первую частную медицинскую клинику на Ближнем Востоке. Фейсал I присвоил ему высокий чин паши первого класса.

Англичане, так же как и российские дипломаты, отслеживали ход военных действий между армиями Ибн Сауда и хиджазского короля. В поле их внимания попадали и российские иммигранты, состоявшие на службе у Хусейна. У хиджазской армии были так называемые броневики. Буллард писал, что их “броня” вряд ли была способна задерживать и пулю, о чем говорили виденные им на одной из “бронемашин” двадцать пулевых пробоин, полученных во время одной из операций. Тогда же был ранен “один из самых симпатичных русских иммигрантов” [Bullard, 1993, p. 88 (letter of 18 February 1925)], а еще один, по фамилии Евдокимов, и двое других остались невредимы. Ваххабиты, писал Буллард, знали об уязвимом месте машины и постоянно стреляли по месту, где находился водитель, который свалился только тогда, когда в него всадили пять пуль, после чего другой русский иммигрант занял его место.

Буллард сообщает, что его консульство не было “центром интриг” с русскими белоэмигрантами, хотя они нередко обращались к нему за помощью, чтобы съездить в Египет, находившийся в сфере влияния Лондона. Британский консул помогал им, но сообщал об

⁴ Фейсал бин Хусейн (1883–1933) — один из четырех сыновей шерифа Хусейна, первый и последний король Сирии в 1920 г. и первый король Ирака в 1921–1933 гг.

этом советскому коллеге, с которым, как он пишет, наладил хорошие отношения, чтобы тот не подумал, будто британец “интригует против него или его правительства” [Bullard, 1993, p. 89–90 (letter of 25 February 1925)]. Кроме того, русские иммигранты не часто приходили к британцу из опасения, что хиджазские власти заподозрят их в передаче британцу военной информации. Интересно, что при всем антагонизме в отношениях между СССР и Великобританией, каждое из двух внешнеполитических ведомств почти одинаковыми словами инструктировало своих представителей избегать таких действий, которые бы рассматривались другой стороной как открыто враждебные, подрывающие ее интересы.

Судя по всему, Хакимов наладил неплохие рабочие контакты с британским представителем. Показательно, что консулы довольно откровенно обсуждали и вопросы, выходящие за рамки обычных рабочих отношений. Это видно, к примеру, из письма Булларда от 8 марта 1925 г.:

“Приятно быть советским консулом. Мой советский коллега думает, что пробыть год в Джидде вполне достаточно; он предполагает уехать в Россию в сентябре, формально в отпуск, в реальности для получения лучшего назначения. Он объясняет, что между правительством и “Партией” (т.е. коммунистической партией) существует постоянная борьба за лучших людей, и, если министерство иностранных дел откажется перевести его в более приятное место, он будет угрожать переходом на должность в партии... Я могу поверить, что Хакимов входит в число их лучших людей. Хотя он молод — немногим за тридцать — он хорошо осведомлен в делах Востока и хорошо говорит по-турецки и по-персидски, а по-арабски вполне сносно” [Bullard, 1993, p. 91 (letter of 8 March 1925)].

Конечно, англичане были неплохо осведомлены о том, что происходит в Аравии, однако стремление любой ценой удержать контроль над зависимыми территориями, а также интриги, амбиции политиков и соперничество между различными ведомствами мешали проведению курса, который бы учитывал веление времени, растущее стремление народов этих территорий к самостоятельному развитию. Ведомства лишь по-прежнему соперничали в том, как наиболее эффективно сохранить господство над Ближним Востоком, в том числе над Аравией.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ КОНТАКТОВ

Опасаясь за будущее советско-хиджазских отношений, руководство НКВД решило, с одной стороны, продолжать нейтралитет в отношении конфликта между хашимитским королевством и Ибн Саудом, а с другой — установить контакты с Ибн Саудом и заручиться его поддержкой на случай, если ему удастся захватить Джидду. И помимо того также обеспечить “привязку” России к Хиджазу путем декларирования стремления защищать интересы советских граждан, как постоянно проживающих в Хиджазе, так и посещающих его во время паломничества. Несмотря на интриги английских дипломатов, пугавших местные власти тем, что путем регистрации своих граждан в Хиджазе российские представители развернут здесь подрывную работу, регистрацию все же удалось провести.

Хотя шериф Хусейн еще в 1916 г. провозгласил себя “королем арабов”, это не мешало Хакимову при анализе итогов и перспектив его правления в Хиджазе дать им весьма негативную оценку, что докладывалось в письме Чичерину от 5 ноября 1924 г. В соответствии с линией наркомата генконсул не мог не исходить из приоритетности задачи формирования “арабского объединительного движения” для советской дипломатии, но полностью отвергал возможность превращения Хиджаза в лидирующую силу в этом национально-интеграционном проекте: “Нищенская бедность страны, ничего не способной обещать даже в будущем, политическая и культурная отсталость, все это не покрывается одним нахождением святых городов и их хранителей — потомков пророка для того, чтобы Хиджаз мог успешно возглавлять арабо-объединительное движение”. На основании этой оценки генконсул делал обескураживающий вывод: “Таким образом, наша основная тактика — арабо-объединительное движение как задача, связанная с нашим пребыванием в Хиджазе, мне кажется, теряет или потеряет свое значение”.

Шерифу здесь отводилось довольно незавидное место, он мог быть: “использован нами или кем угодно другим в одном отношении и непременно при одном условии. Им можно пользоваться для временных и дешевых эффектов вроде создания антианглийского или антиитальянского конфликта или даже вроде похода против Асира, подзащитного Англии, оплатив, конечно, его труды должным образом. И при условии оставления без какого-либо внимания его внутреннего положения. И то, и другое опять-таки не связали бы наше пребывание в Хиджазе с основной нашей политикой в Аравии” [АВП РФ, Хакимов – Чичерину, л. 28–29]. Но, судя по письму, генконсул на этом этапе пока еще не был полностью уверен в том, что Ибн Сауду удастся победить хашимитского шерифа.

Правитель Неджда, планируя развивать свою экспансию, безусловно, рассчитывал на непрочность внутреннего положения Хусейна и был воодушевлен возможностью использовать осложнения в его отношениях с Англией. Это, в частности, проявилось в том, что и в июне 1924 г. король Хиджаза уже во второй раз отказался подписать договор с Лондоном. Он по-прежнему продолжал требовать от англичан в качестве условия для этого отмены декларации Бальфура о создании еврейского национального очага в Палестине.

В тот период, как следует из дипломатической переписки, на Кузнецком мосту (где тогда располагался НКВД) еще не очень хорошо разобрались в том, кто из аравийских правителей может рассматриваться как ставленник англичан. К примеру, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин направил генконсулу такую трактовку происходивших в Аравии бурных событий, основанную на тезисе о причастности Лондона к экспансии правителя Неджда в Хиджазе:

“Нападение Ибн Сауда на Хиджаз было спровоцировано Англией, которая этим путем хотела поставить на колени Хусейна, начавшего выходить из повиновения и пытавшегося добиться от Англии выполнения ею обещаний 1915 г. Особенно одиозными и опасными для Англии были несомненно палестинские вождения Хусейна. В связи с продолжающимися антианглийскими движениями в Египте перспектива образования в Палестине арабского правительства, к тому же зависимого от Хиджаза, стала пугать Англию. Крушение сионизма в Палестине привело бы к тому, чтобы арабские националисты Египта и Палестины подали бы друг другу руку. Этот политический мост через Суэцкий канал мог поставить Англию в чрезвычайно затруднительное положение” [АВП РФ, Чичерин – Хакимову, л. 31].

Теперь Чичерин задавался вопросом, не могла ли война в Хиджазе быть прямым следствием решения Хусейна пойти на установление отношений с СССР. Но в этом случае англичане, как полагал нарком, не добились своего: “Наступление Ибн Сауда на Хиджаз, спровоцированное англичанами с целью низложить Хусейна, дало, однако, неожиданные и нежелательные для самих же англичан результаты. Ибн Сауд вырвался из-под контроля Англии и решил окончательно покончить с независимостью Хиджаза, присоединив его к своим владениям, или, в крайнем случае, превратив его в вассальное княжество” [АВП РФ, Чичерин – Хакимову, л. 31]. В этом документе нетрудно видеть следующую версию внешнеполитической ориентации Ибн Сауда: он сначала контролировался Англией (возможно, имеется в виду кабальный договор 1915 г.), а потом “вырвался” из-под ее контроля. Нюансы, связанные с различиями в позициях британских ведомств в отношении Ибн Сауда, при таком подходе либо игнорировались, либо были вообще неизвестны наркому в силу нехватки информации.

К этому времени социальная база хашимитов стала быстро сокращаться. Для того чтобы платить зарплату армии во главе с сыном Хусейна – Али, были значительно повышены налоги на купечество Джидды. Неудивительно, что именно этот влиятельный торговый класс во главе с неким Мухаммадом ат-Тавилем от имени мекканской и джиддинской аристократии из Национального депутатского совета (*аль-Маджлис ан-нияби аль-ватани*) стал требовать отречения Хусейна. 3 октября 1924 г. шериф был вынужден отречься от власти, после чего он передал королевский трон, но не титул и полномочия халифа одному из своих сыновей – Али б. Хусейну. Он попытался найти убежище

у другого сына — Абдаллы в Аммане, однако британское правительство не позволило ему сделать это из опасения, что в таком случае Ибн Сауд мог бы напасть на находившуюся под британским мандатом Трансиорданию [Leatherdale, 1983, p. 37]. В ожидании решения Лондона Хусейн на своей яхте встал на рейде у берегов Акабы [CID, 1925]. Затем англичане переправили его на Кипр.

Теперь язвительный Буллард не жалел беспощадных эпитетов, описывая в письме к Эндрю Райану еще недавно, казалось бы, поддерживаемого англичанами и воевавшего на их стороне против турок шерифа: “Представьте себе хитрого, лживого, лежовверного, подозрительного, упрямого, тщеславного, самонадеянного, невежественного, жадного, жестокого арабского шейха, внезапно оказавшегося в положении, когда ему пришлось решать многие вопросы, в которых он не разбирался, и где его не могла сдерживать никакая человеческая власть, и вы получите портрет короля Хусейна” (Bullard to Ryan, 23 December 1923, Ryan Papers, Box 6, File 5, MEC — цит. по.: [Leatherdale, 1983, p. 38]).

По оценке российского исследователя А.И. Яковлева, «хиджазские купцы рассчитывали одним махом добиться нескольких целей: умиловить англичан, отвести угрозу “диких сыновей пустыни” и получить реальные политические права... По их настоянию Али согласился на принятие конституции Хиджаза, на создание некоего парламента и существенное ограничение своих властных полномочий» [Яковлев]. Незадолго до взятия Мекки Али перенес свою резиденцию в Джидду, но к началу 1925 г. в его руках оставались помимо Джидды лишь Медина и Янбо.

5 января 1925 г. войска недждийского султана прочно взяли Джидду в осаду. Решение взять город в осаду, а не атаковать его, было принято Ибн Саудом на собрании 1 января 1925 г. выступавших в союзе с ним вождей и других видных представителей племен. Некоторые из них уговаривали его пойти на прямое наступление, но решение Ибн Сауда было твердым [Colonial Secretary..., 1924].

Вокруг города строились укрепления, создавались минные поля, районы города обстреливались из орудий, жителям не хватало продовольствия, немалая их часть покидала Джидду. Осада продолжалась почти целый год. “События в Аравии вступают в очень интересную стадию, — инструктировал Хакимова Чичерин. — Вам нужно во что бы то ни стало оставаться в Джидде, нужно также внимательно наблюдать пути развития англо-французского и англо-итальянского антагонизма в Аравии” [АВП РФ, Чичерин — Хакимову, 22 января 1925 г., л. 6]. В этом плане рассматривались как полезные контакты генконсула с французскими и итальянскими представителями.

Хакимов продолжал развивать контакты с саудитами. В директиве генконсулу от 18 июня 1925 г. Чичерин положительно оценил завязавшиеся у генконсула сношения с Ибн Саудом. В ней содержится прямая директива продолжить диверсификацию контактов советских дипломатов в Аравии. “Так как мы не делаем ставку на того или другого из враждующих арабских князей, — писал наркоминдел, — а стремимся лишь к тому, чтобы в лице существующих центров арабской жизни развивать с последней наши связи, то нам необходимо иметь одновременный параллельный контакт как с Хиджазом, так и с Недждом” [АВП РФ, Чичерин — Хакимову, 18 июня 1925 г., л. 49].

ФАКТОР ХАЛИФАТИЗМА В ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

На фоне такой двухвекторной дипломатии теперь стало не столь негативным, как прежде, отношение Чичерина и к халифатизму — движению, распространившемуся в исламском мире после ликвидации Османского халифата в Турции кемалистами в марте 1924 г. Но нарком считал важным контакт с халифатистами не потому, что Москва симпатизировала самой идее халифата, а потому, что халифатское движение играло важную роль “в борьбе мусульманских народов за полное освобождение”. И опять следует бесконечно повторяемый тезис о единстве арабов, но в данном контексте не в качестве самоцели, а как орудия освобождения.

И вот вывод наркома: “Если бы один из мусульманских князей оказался достаточно сильным, чтобы сыграть роль собирателя Аравии, мы, конечно, считали бы очень большим шагом вперед объединение всех арабских племен в одно государство. Но этого нет, и мы можем лишь крайне отрицательно относиться к нескончаемым распрям, поддерживаемым Англией между арабскими князьями” [АВП РФ, Чичерин — Хакимову, 18 июня 1925 г., л. 49]. Таким образом, национальное единство рассматривается здесь и как антипод насаждаемой англичанами раздробленности. Нельзя не заметить, что курс на поддержку национального объединения арабов (именно об этом шла речь, а не просто о самоопределении арабских народов) находился в некотором противоречии с марксистским постулатом о классовом, пролетарском единстве, определявшим оценки Коминтерна, но полностью отвечал внешнеполитическим интересам Советского государства.

Возвращаясь к концепции халифата, стоит напомнить, что османские султаны с 1516 г. одновременно обладали титулами халифов (первым стал носить этот титул Селим I), но их право на верховную духовную власть в мусульманском мире поддерживалось далеко не всеми мусульманами. Поскольку они не происходили из племени курейшитов, султаны всегда, а особенно в период заката империи, нуждались в легитимации своих притязаний на халифат. Хотя, как отмечал известный американско-израильский исследователь истории мусульманских конгрессов Мартин Крамер, “теория халифата в том виде, в каком она циркулировала в Османской империи, вряд ли содержала аллюзию к курейшитскому происхождению и выборности, которые были заменены утверждением священного закона и воинственной защитой ислама как действенными критериями для подтверждения любых притязаний на исламский халифат” [Kramer, 1961, p. 2] (см. об этом: [Gibb, 1961, p. 141–150]).

Халифат османских султанов, как и саму идею сплочения всех мусульман, подрывали острые противоречия между суннитами и шиитами, причем это касалось, в первую очередь, отношений Турции с ее ближайшим соседом и соперником — Персией. Говоря о враждебности между этими двумя основными направлениями в исламе, английский востоковед Э.Г. Браун писал, как один персидский дервиш в Хои в северо-западной Персии хвастался ему, что вместе со своими товарищами-дервишами сопровождал русскую армию во время русско-турецкой войны, помогая русским своими молитвами [Browne, 1904]. Тем не менее (в чем сходились многие западные востоковеды) экспансия Запада в исламский мир заставила суннитов и шиитов, пусть и на короткое время, помириться, отодвинув свои доктринальные разногласия.

Сомнения в легитимности халифата Османов высказывались уже в 1870-х гг. Одним из первых его публично подверг сомнению выступавший за освобождение Египта от колониальной зависимости знаменитый в то время английский поэт викторианской эпохи Уилфрид Блант⁵ (см.: [Blunt, 1920]; о нем: [Longfold, 1979]), которого М. Крамер называет “социальным неконформистом и политическим романтиком”. Мы знаем, что такие идеалисты-романтики, находившие очарование в суровой жизни Хиджаза того времени, которую они противопоставляли роскоши и блеску Константинополя, и зачастую одухотворенные исламскими ценностями, бывало, встречались среди англичан. При всем этом большинство из них верно служили имперским интересам Британии. После возвращения в Англию в 1879 г. Блант развил свои идеалистические построения, возлагая на турок ответственность за упадок ислама, реформировать который, как он утверждал, можно было только под эгидой арабов, и выступая за перенос халифата из Стамбула в Мекку, из дома Османа к арабам-курейшитам [Kramer, 1986, p. 10]. Идеи Бланта о реформах ислама и халифате нашли поддержку у известнейшего египетского мыслителя Мухаммада Абдо⁶, с которым британский поэт познакомился в 1881 г. [Kramer, 1986, p. 26]. А быв-

⁵ Полное имя — Уилфрид Скейвен Блант (Blunt, Wilfrid Scawen, 1840–1922).

⁶ Мухаммад Абдо (1849–1905) — знаменитый исламский реформатор, муфтий Египта в 1899–1905 гг.

ший сотрудник Министерства по делам Индии Джордж Бердвуд⁷ в серии писем в газету “Таймс” еще в 1877 г. называл османский халифат “узурпацией”, утверждая, что он по праву должен принадлежать мекканскому шерифу, и мусульмане “должны начать свое перерождение с избрания шерифа Мекки халифом ислама” [*The Times*, 1877].

Единомышленником Бланта стал подружившийся с ним британский дипломат, назначенный консулом в Джидду в 1878 г., Джеймс Зохраб (см. о нем: [Kramer, 1986, p. 13–17]). Зохраб в январе 1880 г. в одной из своих депеш убеждал Форин-офис в том, что мекканский шериф как прямой потомок пророка Мухаммада имел больше веса в исламском мире, чем османский халиф [*F.O.*, January 9, 1880]. Консул даже выступал за “отделение Хиджаза от Османской империи и его аффилиацию с Британской империей, что в этом случае было бы завидной позицией для влияния на мусульман в Индии и везде” [Kramer, 1986, p. 13]. Кроме того, он утверждал, что обнаружил в Хиджазе некую “разветвленную подпольную организацию из мусульман всех национальностей, целью которой было восстановление халифата арабов Хиджаза” [*F.O.*, February 1881], а шериф Мекки будто бы “так же хорош для мусульман, как папа для римско-католической церкви” [*F.O.*, January 12, 1880 (Zohrab to Alston)].

Читая депеши вышеназванных чиновников, хранящиеся в Национальном архиве Великобритании в лондонском районе Кью-Гарденз, трудно отделаться от мысли о некоторой необычности практики, когда обладавшие формальным дипломатическим статусом лица позволяли себе в официальной переписке (и не только) выступать с довольно рискованными предложениями по поводу региональной политики Лондона. Нетрудно предположить, что их позиция навеяна беседами с наиболее яркими, неординарными представителями арабской интеллектуальной элиты и не могла не сказываться на их повседневной работе. Визы, которые ставили на их депешах начальники, далеко не всегда были благоприятными, что очень напоминало ситуацию в советском дипломатическом и иных ведомствах того времени.

ДВА ПРОЕКТА ВСЕМУСУЛЬМАНСКОГО КОНГРЕССА

Халифатский проект был соединен с идеей проведения всемусульманского конгресса в концепции известного арабского мыслителя сирийского происхождения Абдеррахмана аль-Кавакиби (1854–1920), впервые описавшем в деталях такой воображаемый конгресс в своем трактате “Умм аль-Кура”⁸, который он опубликовал под псевдонимом “ас-Сейид аль-Фурати” (“Господин с Евфрата”) в Каире в 1900 г. Аль-Кавакиби выдвинул требование, чтобы существовавший османский халифат был заменен арабским курейшитским с центром в Мекке, “в тесной смычке с всемусульманским конгрессом” [Kramer, 1986, p. 30].

В сложившейся ситуации неопределенности советский генконсул выдвинул, как можно предположить — сам, идею сыграть роль посредника между враждующими сторонами, что, конечно, могло способствовать повышению репутации Советского Союза, улучшению его контактов с каждой из этих сторон и демонстрации нейтралитета, о котором договорились все консулы, работавшие в Джидде. Это могло принести дивиденды при любом исходе борьбы. Поддержав инициативу, Чичерин направил Хакимову указание о посредничестве, но действовать консулу следовало только в случае благоприятного отношения к этой миссии самого Али (при этом все же не полностью очевидно, что Хакимов сам был автором идеи о примирительной миссии). Есть все основания полагать, что это был первый для советской дипломатии опыт посредничества между конфликтующими сторонами, которое впоследствии стало ее обычной и весьма развитой практикой.

⁷ Сэр Георг Кристофер Моулсворт Бердвуд (Sir George Christopher Molesworth Birdwood, 1932–1917) — английский колониальный чиновник, натуралист, писатель.

⁸ С арабского букв. “Мать городов” — общепринятое в исламском мире название Мекки.

Чичерин инструктировал Хакимова, чтобы тот в предстоящих беседах с Ибн Саудом был осторожен в высказываниях об Англии, поскольку предполагалось, что недждийский султан мог оказаться английским ставленником:

“Действительно, никаких конкретных деталей этих эвентуальных переговоров сейчас предпрещать нельзя, ибо конкретные обстоятельства этих переговоров нам неизвестны. Но в общих чертах можно сказать, что с одной стороны надо всячески подчеркнуть нашу общую дружбу с народами Востока и лежащий в основе нашей политики принцип самоопределения народов, а с другой стороны надо быть крайне осторожным по отношению к Англии. Не надо давать пищи для какого-нибудь нового английского ультиматума. Ибн Сауд состоит на жаловании Англии и если сегодня он с нею в ссоре, то нет гарантии, что завтра он с нею не помирится и не сделается просто английским агентом. При таких условиях излишняя откровенность недопустима. Можно говорить в самом общем виде о том, что наше сочувствие самоопределяющимся и борющимся за независимость народностям означает, что мы против всяких нашествий, вторжений, завоеваний и угнетений менее сильных народов великими державами. Но не следует заострять эти разговоры специально против Англии, чтобы не получился у нас дипломатический скандал. Следует иллюстрировать тезис наших дружественных отношений с народами Востока, рассказывая о нашей дружбе с Турцией, Персией, Афганистаном и т.д., но при этом надо чрезвычайно осторожно относиться к Англии. Всякое стремление восточных народов к независимости может рассчитывать на наше сочувствие. Вступив в отношения с Хиджазом, мы хотим установить контакт с народами арабского полуострова и этот контакт мы хотим сохранить и впредь. Военные победы Ибн Сауда не означают, что он уже добился независимости — нет, ему же предстоит трудная борьба с государствами, которые хотели бы видеть в Аравии не сильное, независимое государство, объединяющее арабов в борьбе с иностранными домогательствами, а европейскую колонию или же много мелких князьков, враждующих между собой” [АВП РФ, Чичерин — Хакимову, 27 марта 1925 г., л. 35—36].

При знакомстве с этими выводами невольно вспоминаются директивы Л.Д. Троцкого в 1920 г. кураторам кампании по оказанию активной поддержки революционному движению в Персии, в которых предписывалось и добиваться изгнания англичан из этой страны, и одновременно убеждать их в отсутствии у Советской России намерений воевать с Великобританией на Востоке.

Что касается инструкций Чичерина Хакимову, то даже в самом общем виде они не оставляли у генконсула сомнений, в каком направлении ему надлежало действовать. “Имеется в виду, — писал Хакимову Чичерин, — что главный враг арабов в прошлом — оттоманская Турция больше не существует. Теперь же главный враг арабов — Англия” [АВП РФ, Чичерин — Хакимову, 27 марта 1925 г., л. 30]. Естественно, генконсул действовал в соответствии с полученными им инструкциями.

К попытке посредничества советских дипломатов подталкивало то, что попытку примирения Ибн Сауда и Хусейна собирались предпринять и англичане. Чичерин информировал советского посла в Тегеране К.К. Юренева: “...Англия решила отказаться от позиции нейтралитета в арабских делах и предполагает выступить посредником в переговорах между Геджасом и Недждом о прекращении военных действий” [Документы внешней политики СССР, 1963, с. 547]. Но руководство НКВД вряд ли всерьез думало, что генконсулу удастся на самом деле примирить недждийских ваххабитов-ихванов с хиджазскими хашимитами.

Ярким примером того, как халифатистская тема использовалась двумя державами в борьбе за Аравию, служило появление двух конкурирующих проектов всемусульманского конгресса. Первый из них, негласно патронируемый Великобританией, был задуман улама аль-Азхара в Каире еще в 1924 г. На нем предполагалось обсудить вопрос о возрождении халифата под эгидой пробританских сил. Созыв Каирского конгресса пришлось отложить. Он проходил с 13 по 19 мая 1926 г., многие мусульманские страны на нем не были представлены, и мероприятие закончилось провалом. В пик этому конгрессу Ибн Сауд созвал свой конгресс в Мекке, получивший известность как “всемусульманский”. Он проходил с 7 июня по 5 июля того же года. Вопрос о халифате в Мекке не обсуждался, большинство

влиятельных мусульманских общин мира прислали на конгресс свои делегации, среди которых была и делегация мусульман Советского Союза во главе с главой Духовного управления мусульман в Уфе муфтием Ризаэтином Фахретдином. Архивные документы показывают, что советское руководство стремилось направить дебаты на конгрессе в нужное для Москвы русло и обеспечить принятие выгодных для нее резолюций. Для этого, в частности, в Мекку помимо официальной делегации, состоящей из муфтиев, негласно была направлена некая параллельная группа, детали работы которой пока не раскрыты.

ЗАЩИТА ВАХХАБИТОВ

К осени 1925 г. окончательная победа саудидов уже представлялась неотвратимой советскому руководству, анализировавшему всю находящуюся в его распоряжении информацию. Советским дипломатам было поручено искать пути активного развития уже установленных отношений с Ибн Саудом. Как раз в тот период западные средства массовой информации сообщили об актах вандализма, которые войска Ибн Сауда совершали в Мекке и Медине после их захвата [Bondarevsky, 1993, p. 90]. В НКВД решили воспользоваться появившейся возможностью продемонстрировать дружественное отношение к Ибн Сауду и организовать кампанию по его поддержке, противодействуя распространяемой англичанами информации. 29 сентября 1925 г. Чичерин сообщил Юреневу:

“Одним из средств давления на Ибн Сауда является руководимая ныне Англией в мусульманских странах кампания против ваххабитов за якобы произведенные ими разрушения в Мекке и Медине. Стремясь изолировать Ибн Сауда от всякой поддержки его в Индии, Египте в подмандатных территориях, английские агенты раздувают фанатизм мусульманских масс против ваххабитов для того, чтобы ослабить Ибн Сауда и заставить его пойти на соглашение с Геджасом и на английские предложения. К сожалению, англичанам уже удалось достигнуть известных результатов в мобилизации общественного мнения мусульманских стран против Ибн Сауда. Мы имеем точные сведения, что никаких разрушений в Мекке и Медине ваххабитами не произведено, за исключением повреждения купола мечети Хадидже в Мекке, что имело место год тому назад после взятия Мекки ваххабитами” [Документы внешней политики СССР, 1963, с. 548].

Большинство западных дипломатов и путешественников, работавших или часто бывавших в то время в Саудовской Аравии, подтверждали, что ваххабиты разрушали все могилы, кроме могилы Пророка (но молиться у его могилы они запретили). Руководство советского внешнеполитического ведомства рассматривало эти утверждения как часть информационной войны против Ибн Сауда с целью скомпрометировать его и тем самым сделать более покладистым.

Слишком упорное стремление наркома обелить ваххабитов, игнорируя непримиримое отношение *ихванов* ко всякого рода мавзолеям и поклонению могилам, могло бы вызвать удивление, если не сделать скидку на то, что в роли обвинителей ваххабитов были англичане и мусульмане из зависимых от колониальных держав стран. В директиве подчеркивалось: особо сильные подозрения в том, что обвинения в адрес ваххабитов как “разрушителей могил” были сфабрикованы, вызывало то, что об этом сообщало первым в своих телеграммах английское агентство Рейтер. При этом нарком отмечал, что “индийская делегация, выехавшая для обследования положения в Мекке, с большим трудом добилась разрешения на эту поездку. Далее, прибыв в Мекку, она установила полный контакт с Ибн Саудом, выразив одобрение его политике и согласившись на созыв в Мекке всемусульманского конгресса для разрешения вопросов о судьбе священных мест ислама” [Документы внешней политики СССР, 1963, с. 548]. Чичерин также писал генконсулу, что Ибн Сауду будто бы удалось установить политический контакт с “враждебным англичанам имамом Йемена”. Замечу, что ваххабитизм в то время практически не имел сторонников за пределами саудовского государства и ни в коей мере не рассматривался как угроза для мусульман СССР.

Касаясь основных целей политической программы англичан в Аравии, нарком назвал “соединение Басры стратегическим (автомобильным, а затем и железнодорожным) путем

с портом Акаба на Красном море”. Отмечалось, что для осуществления этого проекта Лондон вел переговоры с Ибн Саудом об использовании “оазиса Джуф, расположенного на линии намеченного автомобильного пути и находящегося под контролем недждийского султана. Имеются сведения, что эти переговоры за последнее время окончились неудачей, что объясняется усилением Ибн Сауда и его стремлением к политической независимости” [*Документы внешней политики СССР*, 1963, с. 548].

В НКВД уже размышляли о том, что сулит Москве захват Ибн Саудом Джидды и установлением им полного контроля на Хиджазом. При этом учитывались и возможные действия Лондона против советских дипломатов. “Если ваххабитам удастся занять город, — писал Хакимову С.К. Пастухов, — Ваше положение, пожалуй, только упрочится. Военные успехи Ибн Сауда сделают его более независимым от англичан, чем в настоящее время, и мы получим возможность по прежнему оставаться в Аравии, причем наша база будет гораздо шире” [*АВП РФ*, Пастухов — Хакимову, л. 8]. Но миссии предписывалось соблюдать осторожность:

“Вы должны, конечно, держать в строжайшем секрете Ваши намерения остаться в Джидде и внешне должны сообразовывать свое поведение в этом отношении с поведением консульского корпуса. Такое поведение необходимо потому, что со стороны англичан могут быть приняты меры, чтобы не дать Вам возможности остаться у Ибн Сауда. Это едва ли входит в их интересы. Каким образом произвести эту маскировку, Вам виднее” [там же].

Государство, созданное Ибн Саудом, было уникальным, как минимум, в силу двух обстоятельств. Во-первых, оно было дуальным, поскольку состояло из двух разных государств, объединенных под властью одного правителя — Хиджаза и Неджда с присоединенными областями. Во-вторых, эти два государства были разноименными, королевством и султанатом, а сам правитель соответственно этому обладал двумя титулами — короля и султана. Ко всему прочему два субъекта нового государственного образования сильно различались по уровню экономического и социального развития, культуре и составу населения. Уникальность этого аравийского “кентавра” были вынуждены учитывать все его зарубежные партнеры. 4 августа 1926 г. в объяснительной записке в наркомат к амбициозному проекту советско-саудовского договора, который подготовил советский генконсул, он сообщал:

“Государство Ибн Сауда в настоящее время признано де-юре, кроме нас, еще Англией, Францией, Голландией, в недалеком будущем ожидается признание и Турцией. Но договоров общего характера у него еще нет ни с кем. Не было в свое время таких договоров и у составных частей, входящих в государство Ибн Сауда: Геджаса и Неджда. Как известно, неоднократно обсуждавшийся проект договора между Англией и Геджасом так и остался неподписанным. У Неджда же, если не считать договора с Англией 1915 г., действительность которого является в настоящее время спорной, имели место лишь частные соглашения (договора с Клейтоном)” (здесь и далее: [*АВП РФ*, ф. 4, оп. 12, п. 69, д. 961. Объяснительная записка, 4 августа 1926 г., л. 28—36].

Хакимову очень хотелось, чтобы Советский Союз оказался первой страной, которая заключит договор с Хиджазом/Недждом, что явилось бы и большой личной победой генконсула. Он писал:

“Нужно отметить, что международно-правовое положение нового государства, несмотря на наличие признания де-юре, все еще остается неопределенным, как неопределенна его государственно-правовая сущность. Дело в том, что фактически в настоящее время оба государства представляют реальную унию, поскольку, кроме личности монарха, их объединяет фактически общее ведение иностранных дел, военное управление, почтовое, монета и т.п. Вместе с тем, однако, неоднократные заявления Ибн Сауда о полной независимости Геджаса и о необходимости определить его взаимоотношения с Недждом, а также идея добиться нейтрализации Геджаса, выдвинутая на всеобщем мусконгрессе, — все это наводит на мысль, что Ибн Сауд склонен рассматривать Геджас и Неджд как два независимых государства, находящиеся лишь в личной унии. Тексты признания европейских государств достаточно недвусмысленны, чтобы разрешить этот вопрос”.

При знакомстве с документом Хакимова, где он характеризует государство Ибн Сауда как “реальную унию”, сама собой напрашивается аллюзия к польско-литовской унии (в Речи Посполитой каждая из двух ее составных частей, а именно Королевство Польское и Великое княжество Литовское, имели каждое свой аппарат управления, армию, систему финансов и законов). Но именно в силу неопределенности устройства саудовского государства в тот период его нельзя было характеризовать как федерацию или конфедерацию.

Хакимов несколькими штрихами показывал разницу между Хиджазом и Недждом:

“В то время как Геджас до взятия его ваххабитами был признан де-юре великими державами и даже числился членом-учредителем Лиги Наций (в которую он, однако, не вступил ввиду нератификации Хусейном Версальского мира), Неджд не был признан де-юре. Наоборот, над ним тяготеет еще договор 1915 г., который ставит Ибн Сауда под протекторат Англии. Хотя этот договор Ибн Саудом фактически нарушался, тем не менее, он может служить в руках англичан оружием давления на Ибн Сауда. Объединение Неджда и Геджаса в одно государство (реальная уния) даст Ибн Сауду возможность путем заключения договора от имени нового государства, пользуясь существующим уже давно признанием Геджаса, избавит и Неджд от связывающего его прошлого и укрепит его международное положение, что несомненно идет по линии наших интересов”.

Уже в 1926 г. генконсульство развернуло чрезвычайно активную работу в Хиджазе по всем направлениям, которые в инструкциях из Центра были обозначены как важные в краткосрочной перспективе. Они предписывали Хакимову целенаправленно оказывать влияние на Ибн Сауда и его окружение с целью побудить их к принятию выгодных для Москвы решений.

Здесь заслуживает упоминания, во-первых, директива НКИД (естественно, под грифом “совершенно секретно”) о действиях против вступления Хиджаза в Лигу Наций, во что короля, как предполагали (далеко не обоснованно) в Москве, будто бы хотела втянуть Англия. В ней говорилось:

“За последнее время усилились слухи относительно предстоящего вхождения Хиджаза в Лигу Наций. Та же “Мокаттам”⁹ (3/IX) советует Ибн Сауду войти в Лигу Наций, где он “в комиссии по мандатам сможет содействовать разрешению палестинского вопроса”. Газета предостерегает Сауда от повторения ошибок Хусейна, который отказывался признавать версальский договор и мандаты, и указывает на необходимость сближения с Европой”.

Заместитель наркома Л.М. Карахан признавал, что НКИД еще не знал, “действительно ли Англия стремится вовлечь Сауда в Лигу” или же речь шла только о том, чтобы скомпрометировать его, уговорив признать Версальский договор и мандаты Лондона и Парижа. “Но мы должны уже теперь занять отрицательную позицию в отношении возможности вхождения Сауда в Лигу и уже теперь в осторожной форме разъяснить ему невыгодность такого шага с точки зрения его интересов” [АВП РФ, Карахан — Хакимову. 31 октября 1926 г., л. 24]. Далее пояснялось, почему вхождение в Лигу не соответствовало интересам короля, которые, в частности, состояли в задаче получить Акабу, Маан и Хиджазскую железную дорогу: “Лига не защитит Сауда от английской агрессии, а, наоборот, облегчит Англии проведение ее агрессивных планов. Лига Наций, конечно, не поможет Сауду получить Акабу и Маан и Хиджазскую железную дорогу”. Необходимо учитывать, что сам Чичерин был убежденным противником Лиги Наций как института, в отличие от его заместителя и будущего преемника М.М. Литвинова, который считал возможным использование потенциала Лиги в интересах Москвы.

Во-вторых, генконсульству предписывалось проводить линию на поддержку позиций Ибн Сауда в мусульманском мире, где он рассматривался как один из немногих лидеров, стремящихся проводить независимую от Англии политику. В-третьих, предусматривалось проведение курса на ослабление антиваххабитских настроений в Персии и примирение Ибн

⁹ Египетская газета.

Сауда с иранцами, лежащего в русле линии Москвы на укрепление его позиций в исламском мире. Нелишне напомнить, что примирения саудовцев с иранцами так и не произошло до сих пор: ваххабитско-шиитские религиозные разногласия не только не смягчились, но, напротив, стали еще острее, и на них сегодня накладывается геополитическое соперничество между двумя крупными исламскими державами с разными моделями развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая сказанное, можно заключить, что на начальном этапе развития отношений Советского Союза с Хиджазом/Саудовской Аравией в сложный для аравийцев период трансформации государственности (перехода власти от хашимитов к саудидам) советской дипломатии удалось добиться сохранения позиций в этой стране. Сохранилась преемственность в реализации поставленных перед советскими дипломатами главных задач, в том числе сдерживания враждебной Москве активности Лондона. Советские и британские дипломаты, выполняя получаемые инструкции по нейтрализации действий друг друга, в то же время уважали профессионализм каждой из сторон и избегали прямой конфронтации.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации). Ф. 0127. Оп. 1. П. 2. Д. 14.
АВП РФ. Ф. 0127. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Хакимов — Чичерину, 5 ноября 1924 г.
АВП РФ. Ф. 0127. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Чичерин — Хакимову.
АВП РФ. Ф. 0127. Оп. 1. П. 2. Д. 14. Чичерин — Хакимову, 22 января 1925 г.
АВП РФ. Ф. 0127. Оп. 1. П. 2. Д. 14. Чичерин — Хакимову, 18 июня 1925 г.
АВП РФ. Ф. 4. Оп. 12. П. 69. Д. 961. Объяснительная записка, 4 августа 1926 г.
АВП РФ. Ф. 0127. Оп. 1. П. 3. Д. 26. Карахан — Хакимову, 31 октября 1926 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Документы внешней политики СССР. Т. 8. М., 1963 [*Dokumenty vneshnei politiki SSSR* (Documents of the Foreign Policy of the USSR). Vol. 8. Moscow, 1963].
Аль-Мукаттам, 3 сентября 1926 г. [*Al-Muqattam*, September 3, 1926].
Яковлев А.И. Неопубликованная рукопись [Yakovlev A.I. *Unpublished manuscript*].
Blunt W.S. *My Diaries*. 2 vols. London, 1920.
Bondarevsky G.L. Russia and the Gulf in the Twentieth Century // *The Politics of Middle East Oil* / Ed. P. Tempest. London: Graham and Trotman. 1993.
Browne E.G. Pan-Islamism // *Lectures on the History of the Nineteenth Century* / Ed. by F.A. Kirkpatrick. Cambridge: Cambridge University Press. 1904.
Bullard R. *Two Kings in Arabia, Letters from Jeddah 1923–5 and 1936–9* / Ed. by E.C. Hodgkin. Reading: Ithaca Press. 1993.
CID Sub-Committee on Situation in Akaba, 3 June 1925, Secret 613-B, CAB16/60.
Colonial Secretary to high commissioner for Iraq, 30 September 1924, L/P&S/10/1124.
F.O. (Foreign Office). 78/3131, January 9, 1880.
F.O. 78/3131, Zohrab to Alston, January 12, 1880.
F.O. 78/3314, February 1881.
F.O. (Foreign Office). Bullard to Ryan, 23 December 1923, Ryan Papers, Box 6, File 5, MEC.
Gibb H.F.R. *Studies on the Civilization of Islam* / Eds. S. Shaw and W. Polk. Boston: 1961.
Kramer M.S. *Islam Assembled: The Advent of the Muslim Congresses*. New York: Columbia University Press. 1986.
Leatherdale C. *Britain and Saudi Arabia: 1925–1939. The Imperial Oasis*. London: Frank Cass. 1983.
Longfold E. *A Pilgrimage of Passion: The Life of Wilfrid Scawen Blunt*. London: 1979.
The Times. June 25, 1877.